

DOI 10.31483/r-115041

Иванюженко Андрей Борисович

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ RATIO DECIDENDI
В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО
СУДА РФ НА ПРИМЕРЕ РЕШЕНИЙ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ
ПЕНСИОННОМ СТРАХОВАНИИ**

Аннотация: в представленной главе рассматривается теория *ratio decidendi* как методика толкования закона и принятия решений в странах общего права, заимствованная Конституционным судом РФ для разработки им правовых позиций, излагаемых в принимаемых Решениях. В ходе исследования были выявлены особенности этой теории. Автор, рассматривая многочисленные решения КС РФ и в том числе – в области пенсионной защиты населения, делает вывод, что данная теория не может применяться в российской правовой системе в том значении, в котором она понимается в странах общего права. Цитаты из трудов иностранных специалистов выполнены в авторском переводе.

Ключевые слова: правовая позиция, Конституционный суд, система пенсионного страхования, прецедент, общее право, римское право, *ratio decidendi*, *obiter dictum*, особое мнение, причина, следствие.

Abstract: the chapter considers the theory of *ratio decidendi* as a method of interpreting the law and decision-making in common law countries, borrowed by the Constitutional Court of the Russian Federation to develop legal positions set out in its Decisions. The author, considering numerous Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, including in the field of pension protection of the population, concludes that this theory cannot be applied in the Russian legal system in the sense in which it is understood in common law countries. Quotations from the works of foreign specialists are made in the author's translation.

Keywords: *legal position, Constitutional court, pension insurance system, precedent, common law, Roman law, ratio decidendi, obiter dictum, dissenting opinion, cause and effect.*

Как следует из текста ст. 73 Федерального конституционного закона от 21.07.1994. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – КС РФ), одним из значимых элементов судебного Решения, выносимого данным судом, является т.н. «правовая позиция Конституционного Суда РФ» [1].

Вопросам содержания правовых позиций КС РФ посвящены многочисленные исследования, отражающие разнообразные взгляды юристов на данное явление. Например, Н.В. Витрук пишет, что «правовая позиция КС РФ – результат толкования, интерпретации Конституции РФ в соотнесении с конституционно-правовым смыслом проверяемых на конституционность объектов на основе логики сопоставления (соотнесения) в пределах компетенции Конституционного Суда, которые снимают конституционно-правовую неопределенность и служат правовым основанием его итоговых решений» [25, с. 69]. Н.Ф. Гуцан развивает идею о том, что правовая позиция обладая «личностным» отпечатком мнения судей является ведущим элементом акта конституционной юстиции [32, с. 17], а Л.Ю. Свистунова и А.Э. Святогорова отмечают, что в содержании правовой позиции сочетаются объективное знание о праве и субъективное оценочное отношение к правовой действительности, направленное на создание практической программы действий в реальной жизненной ситуации [56, с. 87].

Неопределенность содержания данного термина привело к тому, что органы государственного управления стали публиковать «правовые позиции» разъясняя в них свое видение решения спорных в применении норм права. Так, в Письме ФНС России от 20.09.2024 года № БВ-4-9/10821@ «Обзор правовых позиций, сформированных ФНС России...» [19] содержится толкование названной службой сложных вопросов в налогообложении. Анализируя этот документ и признавая в нем при условии его ненормативности функцию «пра-

вового регулятора общественных отношений» обязательного для всех подразделений Службы и рекомендуемого к применению прочими лицами [37, с. 59–85], мы приходим к выводу, что «правовая позиция» должна соответствовать следующим критериям: 1) в правовой позиции должны излагаться подходы органа государственного управления к толкованию юридической проблемы подлежащей разрешению и 2) решение, основанное на правовой позиции должно быть обязательным для применения всеми участниками правоотношений, аналогичных по содержанию.

Таким образом, поскольку «решения и другие акты Конституционного Суда РФ выражают соответствующую Конституции РФ правовую позицию судей, свободную от политических пристрастий» (ст. 29 ФКЗ «О КС РФ») «правовая позиция» КС РФ представляет собой обобщение самостоятельно сформированных судьями этого органа правосудия на основе собственных представлений о бытии, праве, содержании Конституции РФ и государственном устройстве толкования на соответствие Конституции РФ применяемого акта, вынесенного на рассмотрение КС РФ по которому выносится Постановление или Определение и отражаемое в мотивировочной части. Будучи основой Решения, правовая позиция КС РФ по его же мнению становится обязательной «для всех государственных органов и должностных лиц» [5; 8] и независимо от того – отменяет ли само Решение нормативный акт или признает его непротиворечащим Основному закону РФ «имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение» [7].

Поскольку правовая позиция КС РФ является не только регулятором общественных отношений, но и «выступает ориентиром в правотворчестве и правоприменении» [49, с. 99], а исследователи периодически отмечают, что научно-практические рекомендации для разработки понятия «правовая позиция Конституционного Суда» до сих пор не даны [54, с. 190], а вопросы о сущности правовых позиций Конституционного Суда «остаются дискуссионными и от-

крытыми для исследования» [49, с. 102], мы хотели бы рассмотреть вопрос о методологии формирования Конституционным судом РФ правовой позиции, как достоверного (непротиворечивого) регулятора, раскрывающего содержание норм Конституции РФ, выбрав в качестве примера взгляды КС РФ на отдельные проблемы функционирования системы Обязательного пенсионного страхования.

Как отмечает В.А. Кряжков, главное для правовых позиций КС РФ – это логико-правовое обоснование конечного вывода Суда, сформулированное в виде правовых умозаключений судей, в основе которого должна лежать Конституция РФ [47, с. 109–110]. Данное положение позволяет считать, что создание правовой позиции не должно противоречить общетеоретическому утверждению Г. Гегеля о том, что «все имеет свое «достаточное основание», а в силу тождества основания и обоснованного, так как «нет ничего в обоснованном, чего нет в основании» [29, с. 401].

Таким образом, норма закона в правовой позиции судьи КС РФ будет соответствовать норме российского Основного закона, когда содержание некоей нормы (норм) Конституции будет являться по мнению КС РФ «достаточным основанием» для нормы закона, применяемой сторонами спора, выносимого в суд и напротив, если норма закона не будет частным случаем положения, прописанного в Конституции – она должна признаваться в качестве неконституционной. Данное умозаключение подтверждается и КС РФ, который в Постановлении от 13.03.2008 №5-П установил что «Неопределенность в понимании нормы преодолевается путем систематического толкования с учетом «иерархического построения норм в правовой системе, предполагающего, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами более высокого уровня, к числу которых относятся нормы, закрепляющие конституционные принципы, и с учетом общих целей принятия соответствующего закона» [10].

При этом выясняется, что выработанная КС РФ правовая позиция и в том числе – в отношении методики толкования Основного закона не является для Конституционного суда РФ обязательной: Председатель КС РФ В.Д. Зорькин отмечает, что «изменение жизненных реалий может приводить и к отступлению от ранее сформулированных правовых позиций, поскольку КС РФ, применяя и истолковывая Конституцию, выявляет не только букву, но и *дух тех или иных ее положений* (выделено нами – А.И.) на каждом новом этапе развития и тем самым приспособливает ее к меняющимся отношениям в обществе» [36, с. 164]. Данное изложение видения деятельности КС РФ не противоречит положению ст. 47.1 ФКЗ «О Конституционном суде», согласно которой «вопрос *может быть разрешен* (выделено нами – А.И.) на основании содержащихся в ранее принятых постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации правовых позиций» [1]. Данная норма позволяет КС РФ отступать от ранее принятых позиций, по сути отменяя их в изменившихся общественных условиях в качестве основы принимаемого нового решения.

Так как помимо норм Конституции РФ как «достаточного основания» создания правовой позиции в ее формирование может включаться «дух Конституции», обоснование правовой позиции выходит за рамки процитированных выше правил формальной логики, определение правовой позиции КС РФ как «основанного на презумпции истинности феномене» [61, с. 197] может быть поставлен под сомнение. В частности, нами было выявлено, что за период 1998–2020 годы в силу изменений законодательного регулирования платежей в Пенсионный фонд РФ, правопреемником которого является Социальный Фонд РФ, Конституционный суд четыре раза в сформированных им правовых позициях менял свои взгляды на правовые характеристики этого вида дохода бюджета ПФ РФ.

Так,

– в Постановлении Конституционного суда РФ от 24.02.1998 №7-П отмечается, что «страховые взносы в ПФ РФ представляют собой особые обязатель-

ные платежи, являющиеся формой отчуждения денежных средств страхователей и застрахованных на началах безвозвратности и индивидуальной безвозмездности» [6];

– в Определении от 05.02.2004 №28-О Конституционный суд РФ указывает, что «в отличие от налога страховые взносы на обязательное пенсионное страхование отвечают признакам возмездности и возвратности» [9];

– в Постановлении от 30.11.2016 №27-П можно прочесть, что «отдельные правовые позиции Конституционного суда по поводу налогообложения распространяются и на обязательные страховые взносы» [11], а

– в Постановлении Конституционного суда РФ от 31.10.2019 №32-П излагается позиция, согласно которой «в отличие от налогов, страховые взносы для застрахованных лиц выступают материальной гарантией пенсионного обеспечения в случаях, когда они лишены возможности иметь заработок (доход) или утрачивают его в силу возраста» [13].

Как нами было выявлено, в каждом случае КС РФ обосновывал вновь созданные правовые позиции непротиворечием новаций – не только Основному закону но и духу Конституции, что не свидетельствует о едином истинно-правильном подходе государства к содержанию правоотношения по созданию бюджета Пенсионного фонда РФ (ныне- Социального фонда РФ) [38, с.126–127].

Однако, по нашим представлениям в изучении правовой позиции КС РФ исследователи не обратили должного внимание на работы судьи КС РФ Г.А. Гаджиева и председателя КС РФ В.Д. Зорькина, первый из которых еще в 1999 году отмечал, что «правовые позиции КС РФ ближе всего находятся к т.н. *ratio decidendi* (основа решения – лат.), и в силу этого именно правовые позиции КС РФ следует считать источниками права» [27, с. 82], а второй в 2004 году указывал на то, что «решения Конституционного Суда имеют нормативный характер и как таковые приобретают прецедентное значение <...> пра-

вовые позиции КС отраженные в его решениях можно сопоставить с *ratio decidendi* в английском праве» [35, с. 4].

Данные тезисы судей КС РФ не стали поводом для дискуссии, однако в Информации КС РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции РФ (на основе решений Конституционного Суда РФ 2020 – 2023 годов)», одобренной решением КС РФ от 14.11.2023 отмечается, что «Обращение в *ratio decidendi* решений Конституционного Суда к принципу солидарности (закрепленной в ст. 75.1 Основного закона РФ – А.И.) бывает нередко предопределено выявлением в ходе нормоконтроля экстраординарных обстоятельств, не учтенных нормотворцем и обуславливающих необходимость пересмотра» [17]. Представляется, что изложенная в процитированной Информации КС РФ отсылка к *ratio decidendi* как некоей посылке в которой указывается место указанного принципа в толковании Основного закона не является риторическим приемом, а признает факт осмысленного обращения судьями КС РФ к *ratio decidendi* как теории, на основе которой происходит формирование правовых позиций и выносятся Решения.

Проблематика теории *ratio decidendi* российскими правоведами детально не изучена. Причиной этого видится тот факт, что названная теория используется в англо-саксонской правовой системе (т.н. системе общего права) и непосредственно не применяется российскими судами в силу отнесения российского правоприменения к т.н. континентальной системе.

В связи с этим нами подымается вопрос об уместности использования данной теории в толковании КС РФ норм и «духа» Основного закона РФ, причем уместности не политико-правовой (родоначальником теории *ratio decidendi* является Великобритания, которая согласно Распоряжению Правительства РФ от 17.09.2024. №2560-р входит в «перечень иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую *деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-*

нравственным ценностям (выделено нами – А.И.)» [18], а уместности теоретико-правовой, так как теория *ratio decidendi*, побуждающая к принятию КС РФ решения обоснованно применяется в другой правовой реальности, а ее слепое заимствование может привести к ситуации, изложенной еще Павлом в комментариях к опубликованному в Дигестах Юстиниана «Закону Цинция», согласно которому: «поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл» [63, с. 236].

Исследуя названную теорию М.Ю. Спирин пишет, что *ratio decidendi* следует рассматривать как логическую конструкцию именно судебного прецедента и в целом прецедентного права [59, с. 112], которые по словам британского правоведа Дж. Монтроуза (J.L. Montrose) основаны на правовом принципе обязательности для применения «принципа права, который судья счел необходимым для принятия решения по рассматриваемому им конкретному делу» [69, с. 124]. В то же время непосредственно Дж. Монтроуз отмечал, что доктрина прецедента имея основополагающее значение как для изучения, так и для применения права, редко обсуждается в судебной практике, а фактически вопрос о месте *ratio decidendi* в судебном решении и его особенностях как способа толкования закона был поднят в Великобритании только в первой половине XX века [70, с. 126].

К тому же указанный правовед отмечает, что латинское происхождение словосочетания *ratio decidendi* является причиной двусмысленности, поскольку в простом переводе на английский язык оно может быть передано в равной степени фразами «причина для (настоящего) решения» и «причина для (иного) решения» («reason of decision» / «reason for decision» – англ). По его словам, судьи и исследователи права в равной степени используют эту фразу как о предпосылке окончательного решения, будь то установление факта, определение закона или мнение о государственной политике, так и для подтверждения факта обеспечения верховенства закона, независимо от того, влияет ли это на решение суда или нет, для которого это дело может быть использовано в каче-

стве авторитетного. Такая «гибкость термина» приводит по его мнению к содержательной неоднозначности *ratio decidendi*, которая уменьшается благодаря «неписанному соглашению (*convention* – пер. А.И.) по использованию термина *ratio decidendi* исключительно для обозначения какой-либо верховной нормы права (*rule of law* – курс., пер. – А.И.), которая так или иначе связана с принятием решения» (выделено нами – А.И.)» [69, с. 124].

Рассматривая позицию П.Г. Виноградова, который вслед за Дж. Монтроузом высказался о том, что *ratio decidendi* – есть в большей степени принцип, на котором основано вынесенное судом решение по конкретному делу [24, с. 148], мы должны высказать следующие соображения.

По нашим представлениям концепция толкования закона *ratio decidendi* в странах общего права является следствием своеобразной рецепций в Великобритании римского права и взглядов присущих римским правоведам, основывающим свое видение закона на т.н. *naturalis ratio* (естественный порядок вещей) [31, с. 143]. Данная рецепция возникла в раннем средневековье и прослеживается до нашего времени из-за отсутствия в Великобритании кодифицированного Основного закона, в связи с чем толкование судом закона посредством *ratio decidendi* распространялось не на соответствие нормативного акта – Основному закону, а на соответствие выносимого судебного решения – ранее изложенному судом видению применения существующего нормативного акта или его толкования в судебном решении.

Профессор Х. Луке (Н.К. Lücke; университет Бонда, Австралия) отмечает, что в Англии принцип, согласно которому к одинаковым делам следует относиться одинаково, восходит к раннему средневековью, когда известный британский правовед Брэктон (Henry of Bracton XIII век) исследуя доктрину Римского права писал: «Если возникают одинаковые дела, пусть они решаются одинаковыми силами, поскольку представляется удобный случай для проведения аналогичного разбирательства», вследствие чего возник прецедент как феномен общего права, и создается «классическая теория *ratio decidendi*», как «принципа

права, выдвинутого судьей в качестве основы для его решения» в основе которого изучается выбранное из ранее существующих Решение (прецедент), с подходящей формулировкой; с помощью соответствующего логических умозаключений доказывається, что это правило действительно может рассматриваться как основа нового решения, а затем – применяется к фактам рассматриваемого дела, как если бы применялось законодательное положение [68, с. 36, 38].

Однако данная точка зрения не является единственно-верной. Так, немецкий правовед Карл Ларенц (Karl Larenz XX век), отмечает, что судья не должен полагаться на созданные прецеденты безоглядно и если есть сомнения в правильности предлагаемого к признанию прецедента, сформировать собственное суждение [50, с. 291–292], по сути повторяя мысль известного исследователя римского права Гарсия Гарридо указывающего на то, что «следует помнить и о технике проведения различий между делом, ждущим решения, и уже решенным, результатом чего может явиться заключение о неприменимости во втором случае *ratio decidendi* первого» [28, с. 136].

Взгляд на условность *ratio dicendi*, как предпосылки для иного судебного решения по аналогии в странах Общего права содержится в исследованиях британского правоведа А. Гудхарта (A.L. Goodhart 1891–1978), признаваемых современными исследователями из стран Общего права «догматикой английского судебного прецедента и основой специальных методик по выявлению нижестоящим судом возможности признания прецедентным решения вышестоящего суда» [33, с. 284]. В частности, А. Гудхарт еще в 1930 году в своей основополагающей статье «Determining the ratio decidendi of a case» (Место *ratio decidendi* в судебном решении – пер.) пишет, что в системе общего права не каждое мнение, высказанное судом, создает судебный прецедент. Так, судебное решение имеет силу прецедента тогда, когда позиция суда по нему соответствует следующим критериям:

1) позиция, изложенная судьей, должна логически вытекать из нормы закона, не позволяя правоприменителю искать мотив, побуждающий суд к ее формированию (*ratio decidendi* как таковое), и

2) позиция не должна основываться на «умозаключении, основанном на факте, существование которого не было предметом рассмотрения суда», т.е. на «*obiter dictum*» («попутно сказанное – лат.») [67, с. 174].

Obiter dictum в отличие от *ratio decidendi* как рассуждения о применении закона к случаю обозначает условия и обстоятельства, под влиянием которых суд вынес решение предполагая в отличие от объективно существующих абстрактных норм законодательства субъективный фактор деятельности суда. Однако поскольку границы *ratio decidendi* и *obiter dictum* размыты и объединяются в едином тексте Решения, выделение *ratio decidendi* как предиката для иного решения осуществляется логическим путем с применением специальных методик (т.н. «формула Гудхарта» [33, с. 284], в основе которой лежит тезис этого исследователя о том что судебное решение и лежащие в его основы аргументы в качестве *ratio decidendi* признаются иным судом в качестве основания решения тогда, когда факты лежащие в основе спора признанные доказанными иным судом желающим использовать прецедент не просто доказаны, а совпадают с фактологией, лежащей в основе прецедентного решения. Вследствие применения этой «формулы» судьям дается право не просто на признание позиции суда в качестве *ratio decidendi*, а на свободу от абсолютности прецедента и судебное нормотворчество без обязательности прецедента как такового.

Вследствие подобного толкования создается более гибкая рецепция правила, изложенного в Дигестах Юстиниана по поводу судебного правотворчества («Когда его Императорское Величество рассматривает дело с целью принятия по нему решения и выносит заключение... этот закон будет применяться не только к делу, в отношении которого он был обнародован, но и ко всем аналогичным делам. Ибо что может быть более великим и священным, чем Императорское величество?» [63, с. 458] нашедшая выражение в британской теории

«парламентского суверенитета» изложение которой было сделано британским правоведом Альбертом Дайси (Albert Dicey 1835–1922): «Парламент уже в силу самого своего определения (т.е. принципа Король в Парламенте «Crown-in-Parliament» – англ. согласно которому источником законодательной власти является монарх Великобритании участвующий в законотворчестве Парламента) имеет право принимать или отменять любой закон. Кроме того ни одно лицо или орган не имеет права, согласно праву Англии, отменить или проигнорировать законодательный акт, принятый Парламентом» [62, с. 30]. Данная теория запрещает Верховному Суду Великобритании отменить закон или его часть, [44, с. 56], в силу чего теория толкования Британского закона *ratio decidendi* позволяет интерпретировать его, вследствие чего развивается право на усмотрение суда.

Теоретические рассуждения А. Гудхарта развиваются Британским юристом Рупертом Кроссом (Rupert Cross) согласно которого поиск судом *ratio decidendi* обусловлен английской доктриной *stare decisis* (стоять на решенном-англ.), в основе которой также лежит восприятие Римского права по причине порой неопределенных ответов римских правоведов на поставленные вопросы. Таким образом, принцип *Stare decisis et non quieta movere* (стоять на решенном и не нарушать спокойствие – лат.) стал одной из основ в формировании прецедента. В результате развития доктрины *stare decisis* по словам Р. Кросса, судья обязан последовать прецеденту, т.е. применить в качестве аргумента *ratio decidendi* этого прецедента кроме тех случаев, когда, суд считает, что оба дела «разумно различимы». Данная правовая идея была сформулирована в судебном решении по делу *Quinn v. Leathern* (1901 г.): «Каждое судебное решение должно читаться применительно к конкретным фактам, доказанным или предположительно доказанным в этом деле, поскольку общеупотребительные выражения, которые можно найти в решении, относятся не ко всему праву, а вызваны и оправданы конкретными обстоятельствами конкретного дела» [46, с. 57, 59].

Поскольку решение суда – продукт мыслительной деятельности человека, прежде всего, профессионала, в основе которой лежит принцип, идея, на базе которой выстраивается предложение обеспечивающее решение какой-либо юридической проблемы [26, с. 80], процесс определения *ratio decidendi* как основы судебного решения носящей обязательный характер – это правильно продуманный вывод из того, что на самом деле решил иной, вышестоящий суд, в отношении нормы права по применению которой спор сторон передается в суд принимающий решение. Соответственно, применение *ratio decidendi* помимо принципов логики Г. Гегеля не должно противоречить «Закону достаточного основания» сформированного в XVII в. Г. Лейбницем согласно которого каждое осмысленное выражение (суждение) может считаться достоверным только в том случае, если оно было доказано, то есть были приведены достаточные основания, подтверждающие его обоснованность.

Степень обоснованности суждения (т.н. эпистемическая модальность) позволяет суду отклоняя недостаточно обоснованные факты установить правило необходимое для толкования в качестве *ratio decidendi* для иных судов, а применяющей это правило судебной инстанции на основе квалификации фактов своего дела – применить или не применить его в своем новом решении, проверяя на обоснованность применительно к доказанным обстоятельствам и фактам [23, с. 3–4]. Поскольку за многовековую историю британского права было создано множество правовых позиций, логические способы толкования права на основе применения прецедентного решения разработанные Гегелем и Лейбницем были дополнены т.н. принципом «правовой интуиции» (*hunch* – англ.) в основе которой лежит умение юриста (судьи) найти необходимый для разрешения дела *ratio decidendi* и признание в нем справедливости [28, с. 138] приводящее к формированию решения конкретного правового спора.

Переходя к рассмотрению возможности применения методологии толкования норм Основного закона РФ за счет теории *ratio decidendi*, следует обратить внимание на то, что правовые позиции КС РФ в отличие от британского

прецедента обязательны не только для судов, но и для всех субъектов права, не допускают отступления от них, что по формальным основаниям не отождествляет их с «классическим» прецедентом [34, с. 30]. Вдобавок, правовые позиции КС РФ должны как *ratio decidendi* основываться на правилах формальной логики, в связи с чем формально-правовой и грамматический методы толкования норм Конституции РФ, а равно выделяемые исследователями исторический (историко-политический), системный и телеологический способы толкования [65, с. 315–316] «духа Конституции») должны быть аргументированы не только особенностями развития российского общества и государства, но и писанным правом. В частности, введенный в 2020 году поправками в ст. 75 и 75.1 Основного закона РФ принцип «экономической, политической социальной солидарности» («солидарности поколений» лежащей в основе системы российского пенсионного обеспечения) не существовал в качестве одного из основ построения российского общества до его установления, что подтверждается в процитированной выше Информации КС РФ: «Не присутствуя вплоть до 2020 года терминологически в тексте Конституции РФ, солидарность субстанционально была изначально включена в систему конституционного регулирования». Однако, признание солидарности как принципа российского общества и пенсионного обеспечения в частности до его признания нормой Основного закона РФ создаст противоречие по отношению к изначально закрепленной в ст. 2 Основного закона РФ норме о признаваемых «высшей ценностью» прав и свобод человека и гражданина, т.е. личности, не смотря на возможность их ограниченной реализации в порядке ст. 55 Конституции РФ, о чем мы писали ранее [39], в силу чего поиск смысла норм российского законодательства созданных до 2020 года на соответствие названному принципу «духа Конституции» может нами рассматриваться как усмотрение КС РФ.

Представляется, что пример данного противоречия лежащего в основе формирования правовой позиции не создает предпосылок в обоснованности и субъективном чувстве уверенности судей КС РФ участвующих в процессе при-

нения Решения, без которых, по мнению В.И. Кириллова и А.А. Старченко «не бывает раскрытия истины» [43, с. 26–27], вследствие чего возникает предпосылка для нелогичности мышления, не характерная для *ratio decidendi*, связанной по мнению Дж. Монтроуза исключительно с применением в качестве основы для толкования «нормы», а не «духа» Основного закона.

В то же время, рассматривая заимствование КС РФ *ratio decidendi* как теории, существующей именно в странах общего права, мы должны учитывать, что *ratio decidendi*, как метод толкования закона используемый в этих странах по мнению Дж. Монтроуза возникает не как «мнение одного или нескольких судей». Основная причина, по которой мнения лиц, представляющих меньшинство в подготовке коллегиального решения органом правосудия, например Палатой лордов, не могут быть включены в *ratio decidendi* по делу, заключается в том, что они не являются основанием для вынесения судом решения, что было закреплено в Решении палаты Лордов Великобритании по делу *Walsh v. Curry and others* (1955г.) [69, с. 128] и нашло отражение в ст. 34.5 Конституции Ирландии 1937 г. устанавливающей неоспоримость коллегиального решения Верховного суда как такового и одновременно с этим признающей на этой территории действие законодательных актов принятых до ее принятия т.е. за весь срок нахождения под юрисдикцией Великобритании (ст. 50.1 Конституции Ирландии) [20].

По этому поводу мы должны отметить, что в России правовая позиция формируется КС РФ как коллегиальным органом, а внесенные в 2020 году Федеральным конституционным законом от 09.11.2020 №5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» поправки в названный Конституционный закон, среди которых был ликвидирован институт публикации особых мнений и мнений судей Конституционного Суда (в настоящее время особое мнение судьи только лишь приобщается к протоколу заседания КС РФ и хранится вместе с ним (ч. 3 ст. 76 ФКЗ); судьи КС РФ не вправе обнародовать свое особое мнение «в какой-

либо форме» или публично на него ссылаться (ч. 4 ст. 76 ФКЗ); судьям КС РФ запрещено критиковать «в какой бы то ни было форме» решения КС РФ (ч. 4 статьи 11 ФКЗ)) [2] не столько создают «радикальный поворот в правовом регулировании этого института в России, не соответствующий тренду, сложившемуся до его введения, притом что конституционные принципы, на которых базируется право на особое мнение (право каждого на информацию, принцип независимости судьи), остались неизменными» [48, с. 128, 138], сколько свидетельствуют о месте единоличного мнения судьи выражаемой в Особом мнении в части формирования КС РФ как органом правосудия правовой позиции. Так, КС РФ в Определении от 19.12.2019 №3359-О отметил, что «право судьи на особое мнение выступает процессуальной гарантией принципа его независимости, закрепленного в статье 120 (часть 1) Конституции РФ», а также, что «Особое мнение судьи КС РФ *не является решением Конституционного Суда РФ* (выделено нами – А.И.) – актом, имеющим самостоятельное значение...» [14].

Как отмечают д.ю.н. С.Л. Сергевнин и П.Ю. Ултургашев, поправки в Федеральный конституционный закон «О КС РФ» ограничивающие право судьи на особое мнение являются «своеобразным аналогом уникального ирландского опыта» [57, с. 36, 40], а именно – заимствования существующей в ст. 26.2.2 Конституции Ирландии нормы о том, что «решение большинства судей Верховного суда в целях настоящей статьи считается решением суда ... никакое другое мнение, совпадающее или особое, не провозглашается, и существование таких мнений не раскрывается» [20].

Со своей стороны, следует отметить, что Ирландская система права во многом заимствовала британскую практику. Как пишет д.ю.н. А.Л. Рогачевский, исторически в Ирландии как колонии Британии было учреждено управление, во многом сходное с метрополией и в том числе – суд общих тяжб. В 1210 г. Иоанн Безземельный прислал юстициарию (королевскому наместнику и верховному судье Ирландии) сборник английских законов, которым должны были руководствоваться при решении дел в соответствии с прин-

ципами «общего права». В 1222 Генрих III указывал на то что «Законы Ирландии и Англии есть и должны быть одни и те же» К концу XII столетия в процессе колонизации Ирландия получила судебную систему аналогичную британской, а в 1216 году в Ирландии была принята Великая хартия Ирландии, в которой дословно повторялась 41 статья английской Великой хартии вольностей 1215 г. [55, с. 136–138], в силу чего система толкования закона в Ирландии основывалась на принципе *stare decisis*.

Вдобавок, по словам профессора Trinity College (Dublin) Орана Дойла (Oran Doyle) исторически ирландский конституционализм начало которого было положено Конституцией Ирландии 1922 года признавал британский принцип парламентского суверенитета, в силу чего в Ирландии не существовало и до настоящего времени не существует «специального Конституционного суда предусмотренного для проверки закона на его конституционность»; в тоже время статья 34.3 Конституции Ирландии наделяет суды общей юрисдикции – суды первой инстанции включающие в себя т.н. «Высокие суды» (High Court – англ.) т.н. «полной юрисдикцией», включая полномочия по определению конституционности любого закона и иного нормативного акта по иску заинтересованного лица, а коллегиальные решения Верховного суда Ирландии о которых идет речь выше, выносятся по итогам рассмотрения апелляций на решения нижестоящих судов либо – по результатам рассмотрения специальных обращений Президента Ирландии в случае сомнений в конституционности законопроекта до его подписания (статьи 26.3.1, 34.3 Конституции Ирландии) [66, с. 18, 46]. К этому надо добавить и то, что по словам профессора права Дж. Кейси (J.P. Casey,) вопрос об отступлении от доктрины *stare decisis* в части признания *ratio decidendi* прецедентов, принятых до 1961 года был поставлен Верховным судом Ирландии только в 1964 году т.е. гораздо позже закрепления в Конституции Ирландии рассматриваемой нормы права [22, с. 20]. Таким образом по нашим представлениям ирландская правовая доктрина заимствовала процитированную выше позицию Палаты лордов Великобритании на *ratio decidendi* в

коллегиальном решении, что было отражено в Основном законе Ирландии, а введение этого положения в регуляцию деятельности КС РФ свидетельствует не столько о заимствовании Россией «уникального опыта Ирландии», а о внедрении в регуляцию деятельности КС РФ *ratio decidendi* именно как приема толкования Закона сформированного в иной правовой среде, понижающей значение индивидуальной правовой позиции судьи в коллегиальном решении, и как следствие – не требующей ее публикации в качестве Особого мнения.

В то же время, поскольку убеждение российского судьи выражает его субъективную мыслительную деятельность по отправлению правосудия по конкретному делу [60, с. 94], основанном на субъективном правосознании, достоверность лежащего в основе сформированной коллегиально судьями КС РФ правовой позиции аргумента как *ratio decidendi* может быть поставлена под сомнение аргументацией, содержащейся в Особом мнении судьи, что позволяет пользователю Решения усомниться в его объективности и поэтому в нынешней редакции Федерального конституционного закона №1-ФКЗ «О Конституционном суде РФ» позиция судьи излагающем Особое мнение не публикуется для обозрения и не разглашается ее автором.

Напротив, по нашим наблюдениям, отличие *ratio decidendi* в деятельности КС РФ от теории и практики британского права в отношении *ratio decidendi* как построенной на правилах логики предпосылки для формирования правовой позиции выявляется в алогичности некоторых правовых позиций КС РФ, по причине наличия в ней не утверждения, а допущения.

Например, в тексте Постановления КС РФ от 10.11.2022 №49-П отмечается, что «Факт совершения лицом, имеющим статус адвоката, умышленного преступления, установленный вступившим в законную силу приговором суда, *позволяет предположить* (выделено нами – А.И.) наличие у такого бывшего адвоката криминального опыта и специфических личных качеств» [16], а в тексте Определения КС РФ в от 28.06.2022 №1456-О можно обнаружить, что «Вводя оспариваемое заявительницей правовое регулирование, законодатель,

очевидно (синоним – «по-видимому» – А.И.), принимал во внимание, что работающие пенсионеры, – в отличие от получателей пенсий, прекративших работу, – продолжая осуществлять работу» [15].

Данные примеры позволяют признать в деятельности КС РФ не характерные для *ratio decidendi* в общем праве несоблюдение судом законов логики, от которых во многом по мнению Г.А. Левицкого прямо зависит «успешность судебной деятельности» [51, с. 143], не свидетельствует об интуитивном поиске справедливости, т.е. способности видеть справедливость как целое «без данности всей совокупности фрагментов <...> являющейся духовно-творческим переживанием ценности и основы творчества» [21, с. 23, 27, 30], характерным, как писалось выше, для британского опыта толкования закона, а напротив – применением судом «риторической аргументации», также берущей начало в праве Древнего Рима (т.н. деятельность ораторов), но основанной на приемах отличных от логико-математического понимания рациональности как таковой [30, с. 14].

Рассматривая практику деятельности КС РФ, мы приходим к выводу что в отличие от практики Великобритании в которой применяется вышеназванная теория «парламентского суверенитета», запрещающая отмену Закона судом и побуждающая к применению *ratio decidendi*, данный орган конституционной юстиции вправе не просто руководствуясь своими воззрениями на существо права признавать норму федерального закона неконституционной, тем самым отменяя ее действие, но и создавать принципиально новую юридическую норму на невозможность чего указывала Е.В. Евсикова [64, с. 222], что позволяет признать за ним не свойственной британской системе государственного управления и функционирующей в ней системе прецедентов присвоение функций Законодателя. Так, в Постановлении КС РФ от 13.03.2008. №5-П устанавливается, что «Родители, имеющие несовершеннолетних детей и расходующие собственные средства на приобретение объектов недвижимости в общую долевую собственность с ними, <...> образуют самостоятельную группу налогоплатель-

щиков (выделено нами – А.И.) <...> эта группа налогоплательщиков не может быть поставлена в худшее положение по сравнению с другими плательщиками налога на доходы физических лиц» [10], вследствие чего не смотря на то что родитель и малолетний ребенок согласно ст. 57 Конституции РФ (каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы) и ст.3 Налогового кодекса РФ (каждое лицо должно платить налоги) самостоятельны в исполнении налоговых обязательств (т.н. физические лица – налогоплательщики), «Родители с несовершеннолетними детьми» были признаны решением КС РФ самостоятельным субъектом налогового правоотношения, права и обязанности которого тождественны налогоплательщику – физическому лицу, что является неправомерным для британского толкования.

Подобная практика может быть объяснена взглядами КС РФ на систему «сдержек и противовесов» в России, обеспечивающую по мнению КС РФ «самостоятельное функционирование всех ветвей власти и одновременно – *их взаимодействие* (выделено нами – А.И.)» [3], и содержанием в процитированном выше Постановлении КС РФ от 13.03.2008 №5-П позиции о том, что «к задачам конституционного правосудия, как они определены Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде РФ», относится устранение неопределенности в законодательных нормах, *в том числе* (выделено нами – А.И.) посредством их конституционно-правового истолкования», допускающего в числе прочего, правомочие Суда руководствоваться вышеназванными «иными соображениями прямо не указанными в Основном законе но направленными на взаимодействие ветвей власти» т.е. из «духа Конституции» [10].

Рассматривая судебный прецедент в праве Великобритании М.Ю. Спирин справедливо отмечает, что соотношение между *ratio decidendi* и *obiter dictum* гораздо сложнее чем «разделение Решения суда на резолютивную и мотивировочную части» [59, с. 112], а так как границы между ними расплывчаты, и изложены в виде Единого аргумента, «поиски *ratio decidendi* (т.е. поиск истинного правового аргумента применяемого в качестве прецедента для решения иным

судом в ином деле – А.И.) являются краеугольным камнем судебного процесса в Англии, и странах общего права» [46, с. 61], так как в качестве основы прецедента не может признаваться *obiter dictum*. Напротив, издаваемые КС РФ Определения могут не содержать в себе *ratio decidendi*, так как правовая позиция, содержащая повод для отказа в рассмотрении Заявлений, основывается на аргументе о процессуальной неотносимости вопроса к подсудности КС РФ, либо – о возможном, в случае принятия вопроса к рассмотрению, нарушении Судом принципа сдержек и противовесов. Данная практика фактически игнорирует толкование нормы материального права, в связи с чем аргументация КС РФ может рассматриваться не как *ratio decidendi*, и едва-ли в качестве *obiter dictum*. В частности,

– в Определении КС РФ от 01.04.1996 №9-О отмечается, что «...решение вопроса, поставленного заявителем перед судом, не может быть выведено из буквы и смысла закрепленных в Конституции РФ положений, не затрагивает конституционные права и свободы граждан и по своему характеру и значению не относится к числу конституционных» [4];

– в Определении КС РФ от 02.04.2019 №854-О указывается на то, что «оценка использования статистических, аналитических и иных сведений и результатов научных и экспертных исследований, достоверности проведенного анализа лежит за пределами рассмотрения вопроса о конституционности правовых норм, <...> а проверка оспариваемых норм с целью ответа на вопрос о том, возможно ли в действующей системе правового регулирования повышение пенсионного возраста, фактически означала бы оценку социально-экономической обоснованности и целесообразности решений законодателя» [12], а

– в Определении КС РФ от 28.06.2022. №1456-О акцент делается на том, что «принятие жалобы О.В. Ливановой к рассмотрению фактически предполагало бы оценку Конституционным Судом Российской Федерации разумных сроков разработки необходимого законодательного регулирования и означало

бы вмешательство Конституционного Суда Российской Федерации в разрешение социально-экономических вопросов» [15].

Данные аргументы не могут рассматриваться в качестве *obiter dictum*, так как в тексте Определения *ratio decidendi* отсутствует, а КС РФ демонстрирует фактическое устранение из действующей в политико-правовом пространстве России системы сдержек и противовесов. Такие примеры говорят о непоследовательности КС РФ в подходах к рассмотрению актов на их конституционность, и не соответствия Британской доктрине *stare decisis* в которой применяется рассматриваемая нами теория *ratio decidendi*, скорее в своей основе содержат не принципы плановости и законности, характерные для системы государственного пенсионного страхования, а обусловлены фактором финансовой целесообразности в условиях недостаточности средств предназначенных для обеспечения социального государства [41].

В результате проведенного исследования, мы приходим к выводу о том, что *ratio decidendi* как теория толкования Основного закона на которую по всей вероятности опирается в своих правовых позициях КС РФ, скорее ближе к взглядам Дж. Монтроуза, о том, что этот термин по «негласному соглашению юристов» используется как «некая причина побуждающая к судебному решению», так как приведенные выше примеры деятельности КС РФ противоречат правовым и политическим установкам, существующим на протяжении многовековой истории Великобритании в процессе функционирования которых была создана эта теория, и напротив – соответствуют взглядам на уникальное общественное и государственное устройство России также имеющее многовековую историю, и в том числе на место Общественного договора в жизни общества и деятельности государства, о чем мы неоднократно писали ранее [40; 42].

Применение данной теории в усеченном виде «по негласному соглашению юристов» в Российской теории и практики правоприменения, по нашему мнению, может иметь неблагоприятные последствия. Пример такого «соглашения» приводится д.ю.н. В.Д. Сорокиным, по словам которого на одном из Всесоюз-

ных совещаний советских юристов (30-е годы XX в.), была «согласована» своего рода научная директива, согласно которой в изучении и применении права следовало исходить из того, что «а) советское право – складывается из ряда материальных и процессуальных отраслей и б) каждая отрасль права имеет свой предмет и метод» [58, с. 226–227], что во многом предопределило теоретические подходы к месту метода правового регулирования в системе советского и позднее – российского права, ныне ставясь под сомнение теорией и практикой.

Как представляется, «соглашение», по которому *ratio decidendi* терминологически понимается только как «основа для решения», может быть возможным только в системе общего права по причине понимания юристами, работающими в этой системе сложности ее содержания. Напротив, поскольку на основе сообщения КС РФ об использовании *ratio decidendi* в формировании правовых позиций, формируется не просто изложенное в Решении КС РФ обязательное для всех правило поведения, а создается фрагмент текста Решения, написанного по определенным приемам литературного жанра имеющего свою аудиторию читателей [53, с. 343] (примером чего является по признанию в 1994 году отдельно публикуемого мнения судьи в качестве «обособленного жанра» [48, с. 133]), ссылка на *ratio decidendi* как теорию толкования Закона становится частью т.н. «прецедентного высказывания» т.е. репродуцируемого продукта речемыслительной деятельности [45, с. 67] обладающего свойством шаблонности, воспринимается как существующее в готовом виде и воспроизводится без существенных изменений [52, с. 102]. Данная «прецедентность текста» Решения КС РФ, обладающего признаком истинности при принципиальном отличии теории *ratio decidendi* в системе общего права от некоей «условной причины, побуждающей суд (суды) принять решение», создает предпосылку к слепому копированию этой теории судами или органами наделенными юрисдикционными полномочиями (примером чего является указание ФНС РФ на созданные «правовые позиции», изложенные в процитированном выше Письме ФНС РФ) при непонимания органами правоприменения места названной теории в толковании Закона

в странах общего права, вызывая сомнение юридического сообщества в обоснованности принятия уполномоченными органами, включая органы правосудия соответствующих решений.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. – 23.07.1994.

2. Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 №5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. – 11.11.2020.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 №2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // СЗ РФ. – 1996. №4. – Ст. 409.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 01.04.1996 №9-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Александра Владимировича как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Конституционного Суда РФ от 07.10.1997 №88-О «О разъяснении постановления Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 по делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СЗ РФ. – 1997. – №42. – Ст. 4900.

6. Постановление Конституционного суда РФ от 24.02.1998. №7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1997 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Государственный фонд занятости населения РФ и в Фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год» в связи с жалобами ряда граждан и запросами судов» // Российская газета. – 10.03.1998.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 №19-П «По делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ» // СЗ РФ. – 1998. – №25. – Ст. 3004.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 08.10.1998. №139-О «По жалобе гражданина Апушкина Павла Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьями 43 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Конституционного суда РФ от 05.02.2004 №28-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общественной организации Тверской областной общественной организации Всероссийского общества инвалидов Заволжского района города Твери на нарушение конституционных прав и свобод статьями 3 и 34 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» и статьей 10 Федерального закона «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс РФ и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СЗ РФ. – 2004. – №12. – Ст. 1109.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.03.2008 №5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова, В.П. Козлова и Т.Н. Козловой». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Конституционного суда РФ от 30.11.2016 №27-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса РФ в связи с запросом Кировского областного суда» // Российская газета. – 16.12.2016.

12. Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2019 №854-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Конституционного суда РФ от 31.10.2019 №32-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18, статей 20 и 21 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование», части 22 статьи 26 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и пункта 6.1 статьи 78 Налогового кодекса РФ в связи с запросом Верховного Суда РФ» // Российская газета. – 15.11.2019.

14. Определение Конституционного суда РФ от 19.12.2019 №3359-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 76 и 79 Федерального конституционного закона «О конституционном суде Российской Федерации» и ряда статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации, а также его ходатайства о разъяснении Определения Конституционного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года №1248-О». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 №1456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ливановой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 26.1 Федерального закона «О страховых пенсиях». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2022 №49-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Г. Шалавина». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

17. Информация Конституционного суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции РФ (на основе решений Конституционного Суда РФ 2020–2023 годов)». Одобрено Решением Конституционного суда РФ от 14.11.2023 // Официальный сайт Конституционного суда РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.09.2024. №2560-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

19. Письмо ФНС России от 20.09.2024. № БВ-4-9/10821@ «Обзор правовых позиций, сформированных ФНС России по результатам рассмотрения жалоб (апелляционных жалоб) налогоплательщиков за второй квартал 2024 года». Не опубликовано // СПС «КонсультантПлюс».

20. Конституция Ирландии от 29.12.1937: официальный текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html#article20> (дата обращения: 01.11.2024).

21. Богатырев Д.К. Познание. Опыт. Мышление. Интуиция. Интуитивизм / Д.К. Богатырев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. Вып. 4. С. 12–32. – EDN TFBJTV

22. Богдановская И.Ю. Прецедентное право / И.Ю. Богдановская. – М.: Наука, 1993. – 239 с.

23. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / П.Г. Виноградов; под ред. У.Э. Батлера, В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2010. – 288 с.

24. Векленко П.В. Логика: конспект лекций / П.В. Векленко; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – 52 с.

25. Витрук Н.В. Верность Конституции: монография / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во РАП, 2008. – 272 с.

26. Власенко Н.А. Правовые позиции: понятие и виды / Н.А. Власенко // Журнал российского права. – 2008. – №12. – С. 77–86. – EDN OALRYN

27. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права / Г.А. Гаджиев // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1999. – №3. – С. 81–85.

28. Гарсиа Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты / пер. с исп.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М., 2005. – 812 с. – EDN QWFNNF

29. Гегель Г. Наука логики / Г. Гегель; пер. с нем. Б.Г. Столпнера. – Т. I. Объективная логика. – Primedia E-launch LLC, 2017. – 540 с.

30. Гимпельсон Е.Г. Риторическая составляющая коммуникативной компетенции специалиста / Е.Г. Гимпельсон, Е.В. Ковшикова // Коммуникативные компетенции современного юриста: сборник научных трудов / редколл.: 28 <https://phsreda.com>

И.В. Шиндряева, К.А. Белоконева, Е.В. Ковшикова, В.В. Бойченко. – Волгоград, 2024. – С. 12–16.

31. Горбунов М.А. Принципы римского права / М.А. Горбунов // Вестник Московского Университета МВД РФ. – 2009. – №7. – С. 139–145. – EDN JYCWFF

32. Гуцан Н.Ф. Акты конституционной юстиции в системе источников российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.02 / Н.Ф. Гуцан. – СПб., 2009. – 25 с. – EDN NLDVQP

33. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. – М.: Международные отношения, 2020. – 456 с.

34. Захаров В.В. Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права / В.В. Захаров // Журнал российского права. – 2006. – №11. – С. 25–31. – EDN OOUBMN

35. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – №12. – С. 3–9.

36. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин. – М.: Норма; Инфра-М, 2011. – 720 с. EDN SDQRMD

37. Иванюженко А.Б. Ненормативные регуляторы в механизме правового регулирования финансовой деятельности государства / А.Б. Иванюженко // Источники и формы права в современной финансово-правовой науке / Х.В. Пешкова, С.В. Мирошник, С.В. Запольский [и др.]. – М.: Инфра-М, 2023. – 380 с.

38. Иванюженко А.Б. Конституционно-правовые и финансово-правовые предпосылки внедрения в российское законодательство об обязательном пенсионном страховании концепции «социального эскалатора» / А.Б. Иванюженко // Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические и социальные аспекты / А.В. Минаков, Л.Н. Иванова, В.А. Боровкова [и др.]; гл. ред.

Э.В. Фомин; Чувашский государственный институт культуры и искусств. – Чебоксары: Среда, 2023. – 172 с.

39. Иванюженко А.Б. О возможных проблемах реализации конституционных новаций в сфере регулирования пенсионных прав граждан России / А.Б. Иванюженко // Журнал юридических исследований. – 2022. – Т. 7. №1. – С. 19–25. – EDN CWIANF

40. Иванюженко А.Б. Антропоморфизм в русском фольклоре и произведениях А.С. Пушкина как фактор, формирующий позицию россиян в пенсионных правоотношениях / А.Б. Иванюженко // Журнал юридических исследований. – 2020. – Т. 5. №3. – С. 52–64. – EDN НОААОС

41. Иванюженко А.Б. О конкретизации применения принципов плановости и законности в российском финансовом праве (на примере правового регулирования деятельности Пенсионного фонда России) / А.Б. Иванюженко // Развитие научных идей профессора Н.И. Химичевой в современной доктрине финансового права: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции в рамках III Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой, посвященных 90-летию со дня рождения Нины Ивановны (Саратов, 2 октября 2018 года) / под ред. Е.В. Покачаловой. – Саратов: СГЮА, 2020. – С. 86–91. EDN YRXYFG

42. Иванюженко А.Б. Условия общественного договора в российском обществе как центральная идея «Египетских ночей» А.С. Пушкина: от замысла к воплощению / А.Б. Иванюженко // Пушкинские чтения – 2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXIX Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2024 года). – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2024. – С. 37–45. EDN LVTUBV

43. Кириллов В.И. Логика: учебник / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. – 6-е изд. – М.: Проспект, 2006. – 66 с.

44. Кожевников В.В. Современное английское общее право: новое прочтение / В.В. Кожевников // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – №4 (45). – С. 53–64. – EDN UYSFWZ

45. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Красных, Д. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник МГУ. – 1997. – №3. – С. 65–72.

46. Кросс Р. Прецедент в английском праве / Р. Кросс; под общ. ред. доктора юридических наук, профессора Ф.М. Решетникова. – М. Юридическая литература, 1985. – 238 с.

47. Кряжков В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: правовые основы и практика / В.А. Кряжков. – М., 1999. – 766 с.

48. Кряжкова О.Н. Три причины отменить запрет на публикацию особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации / О.Н. Кряжкова // Конституционный вестник. – 2021. – №6 (24). – С. 128–139.

49. Кукушкин А.А. Правовая позиция Конституционного суда РФ: сущность, юридические признаки и процессуальные формы / А.А. Кукушкин // Актуальные вопросы российского права. – 2009. – №1. – С. 96–102. – EDN LALJRV

50. Ларенц К. Методология юриспруденции / К. Ларенц. – М.: М-Логос, 2024. – 357 с.

51. Левицкий Г.А. Квалификация преступлений: общие вопросы / Г.А. Левицкий // Правоведение. – 1962. – №1. – С. 141–145.

52. Мифтахова М.М. Явление прецедентности как языковой феномен / М.М. Мифтахова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – №2 (16). – С. 99–103. – EDN SFDSAZ

53. Оленев С.В. О жанрообразующих факторах текстах решений арбитражного суда / С.В. Оленев, И.А. Семченко // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №4. – С. 341–344. – EDN OYKIGH

54. Попов Г.В. К вопросу о правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации / Г.В. Попов // Марийский юридический вестник. – 2004. – №3. – С. 188–196. – EDN ULZLHP

55. Рогачевский А.Л. Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. (по материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга) / А.Л. Рогачевский. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2004. – 496 с.

56. Свистунова Л.Ю. Содержательная характеристика правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации / Л.Ю. Свистунова, А.Э. Святогорова // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – №2. – С. 84–90. – EDN ZDOYSP

57. Сергевнин С.Л. Институт особого мнения конституционного судьи в российском и зарубежных правопорядках / С.Л. Сергевнин, П.Ю. Ултургашев // Вестник Московского государственного университета. Серия 11 Право. – 2021. – №6. – С. 27–43. – EDN HPXIZK

58. Сорокин В.Д. Административный процесс и административно-процессуальное право / В.Д. Сорокин. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2002. – 474 с. EDN TQCPZR

59. Спиринов М.Ю. Судебный прецедент как формальный источник права: теоретические вопросы / М.Ю. Спиринов // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. №4. – С. 109–116. – DOI 10.18287/2542-047X-2021-7-4-109-116. – EDN XXKSJU

60. Телятников В.И. Убеждение судьи / В.И. Телятников. – СПб., 2004. – 329 с.

61. Шустова Д.Н. Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / Д.Н. Шустова // Марийский юридический вестник. – 2009. – №3. – С. 195–199.

62. Элефтериадес П. Парламентский суверенитет и Конституция / П. Элефтериадес // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – №3. – С. 29–55. – EDN PCSKPT

63. Источники и формы права в современной юридической науке / под ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 320 с.

64. Дигесты Юстиниана. Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 584 с.

65. Конституционный Суд России: осмысление опыта: монография / А.Н. Медушевский, Е.В. Гриценко, И.П. Кененова [и др.]; под общ. ред. А.Н. Медушевского. – М.: Центр конституционных исследований, 2022. – 650 с. EDN XPNLBM

66. Doyle Oran. The Constitution of Ireland: a contextual analysis. Oxford [UK]. Portland, Oregon: Hart Publishing, 2018. 230 p.

67. Goodhart A.L. Determining the ratio decidendi of a case. Yale LJ, 1930. p. 161–183.

68. Lücke H.K. Ratio Decidendi: Adjudicative Rational and Source of Law. Bond Law Review. 1989. Vol. 1. Iss. 1. Article 2. P. 36–51.

69. Montrose J.L. Ratio decidendi and the House of Lords. The Modern Law Review. 1957. 20 (2). P. 124–130.

70. Montrose J.L. The Language of, and a Notation for, the Doctrine of Precedent (Part I) University of Western Australia Law Review. 1952. 2 (2). P. 301–329.

Иванюженко Андрей Борисович – канд. юрид. наук, доцент Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Санкт-Петербург, Россия.
